ЭКСПЕРТ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДЕЛОВОЙ ЖУРНАЛ

Валерий Семикашев: «Мы умеем добывать нефть»

Отказ Европы, Англии и США от русских углеводородов потребует от России решить целый ряд стратегических задач – газифицировать восток страны, создать собственные крупнотоннажные технологии сжижения газа, удлинить цепочки передела углеводородного сырья, а также расширить внутренний рынок нефтепродуктов за счет снижения цен

Коллективный Запад делает последовательные шаги по отказу от закупок российских углеводородов. ЕС в рамках шестого пакета санкций с учетом самоограничений Германии и Польши на горизонте уже этого года прекратит поставки 96 млн тонн сырой нефти и порядка 75 млн тонн нефтепродуктов. С учетом ранее введенного эмбарго США и Великобритании около половины прошлогодних объемов поставок нефти за рубеж потребуется «пристроить» на другие внешние рынки либо на внутренний. По нефтепродуктам доля «лишних» объемов еще выше – более 70% экспорта повисают в воздухе. Как выйти из этой непривычной ситуации с минимальными потерями?

Ситуацию в отечественном ТЭКе мы решили обсудить с Валерием Семикашевым, заведующим лабораторией прогнозирования ТЭК Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

– Валерий Валерьевич, как распорядиться «лишними» десятками миллионов тонн углеводородов?

– Прежде всего следует подчеркнуть, что лишними эти объемы можно считать с очень большими оговорками. В обозримой перспективе, по крайней мере на горизонте до 2030 года, спрос на нефть, нефтепродукты и газ в мире продолжит расти. Поэтому задача состоит в том, чтобы найти новые рынки сбыта для российских углеводородов. И процесс переориентации поставок на Восток и на Юг уже пошел: резко выросли поставки в Индию, например. Хотя на первом этапе новые рынки приходится покорять ценой высоких дисконтов. С учетом общей высокой конъюнктуры нефтяных цен эти дисконты оправданны. Понятно, что полная переориентация займет несколько лет и потребует значительных инвестиций в расширение логистических мощностей и каналов поставок.

– О какой именно логистической инфраструктуре идет речь?

– Насчет нефти все просто. Это увеличение мощностей нашей основной магистральной нефтяной трубы на Восток. Нужна вторая нитка ВСТО (действующая имеет общую мощность 80 миллионов тонн в год, из которых 30 миллионов тонн идет от Сковородино Амурской области на юг, в Китай, а 50 миллионов – далее на Восток к Тихому океану. (В порт Козьмино рядом с Находкой. – «Эксперт»).

В новых условиях полезно будет дальнейшее расширение мощностей Восточного полигона как под уголь, так и под нефтяные грузы. Нужно также наращивать нефтеналивные мощности на погранпереходах с Китаем для увеличения объемов поставок жидких углеводородов по железной дороге.

Следовало бы также рассмотреть вариант увеличения экспорта нефти через Волгу и Каспий на рынки Южной Азии, в частности, по своповым схемам с Ираном (мы поставляем нашу нефть на НПЗ в северных провинциях ИРИ, Иран поставляет эквивалентные объемы из своих южных портов. – «Эксперт»). Правда, существенное увеличение объемов вывоза по этому каналу потребует углубление фарватера Волги и расширение танкерного флота класса «река – море», а это дело небыстрое и требующее серьезных инвестиций.

Наконец, следует активизировать реализацию давно обсуждаемых углеводородных гринфилд-проектов на востоке страны. Я имею в виду прежде всего добычной мегапроект «Восток Ойл» на Таймыре, добыча с которого позволит заместить снижение добычи на старых месторождениях Западной Сибири, а для поставок на внешние рынки будет задействован Северный морской путь.

– Вице-президент «ЛУКойла» Леонид Федун в недавнем интервью РБК привел шокирующие цифры снижения добычи нефти в РФ в текущем году. Согласно его оценкам, падение добычи может достичь 20–30 процентов. Неужели все так плохо?

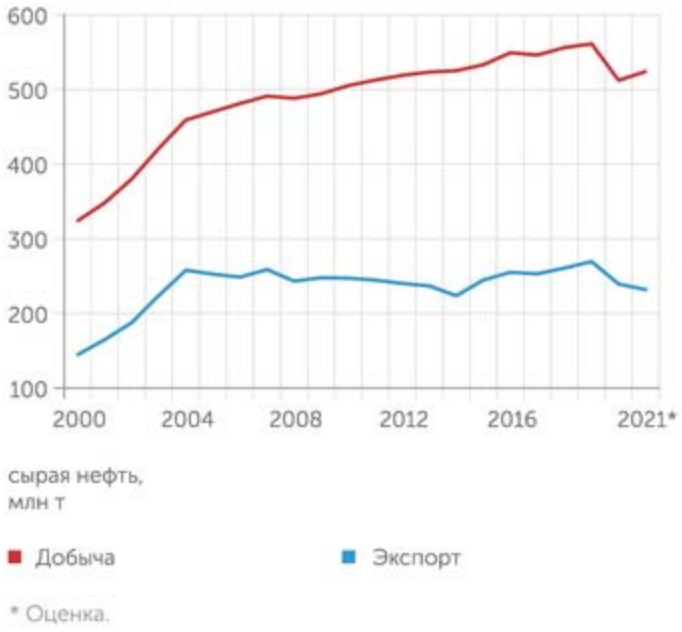
– Я не верю в столь катастрофический провал. С учетом того, что в первом полугодии фактический спад добычи у нас совсем небольшой, реализация прогноза господина Федуна означала бы сброс объемов добычи во втором полугодии наполовину. Это физически невозможно.

Текущий прогноз Минэнерго дает сокращение добычи нефти в 2022 году на пять–восемь процентов. Мне кажется, даже эта оценка завышена. Я ожидаю меньшего спада. Вспомните, какие катастрофические прогнозы делались в разгар коронакризиса. А фактический спад добычи в 2020 году составил чуть менее 50

миллионов тонн, около девяти процентов. Что в большей степени было определено соглашением в рамках ОПЕК+. Сейчас спад будет меньшим: цены очень высоки и способствуют перенаправлению экспортных объемов на незападные рынки. Плюс производственные планы в компаниях приняты и будут преимущественно исполняться.

Наш нефтесервис – в четверке самостоятельных

График 1 Российский нефтяной экспорт имел два эпизода быстрого роста - 2001-2004 гг. и 2015-2019 гг. В эти периоды экспорт был локомотивом роста добычи

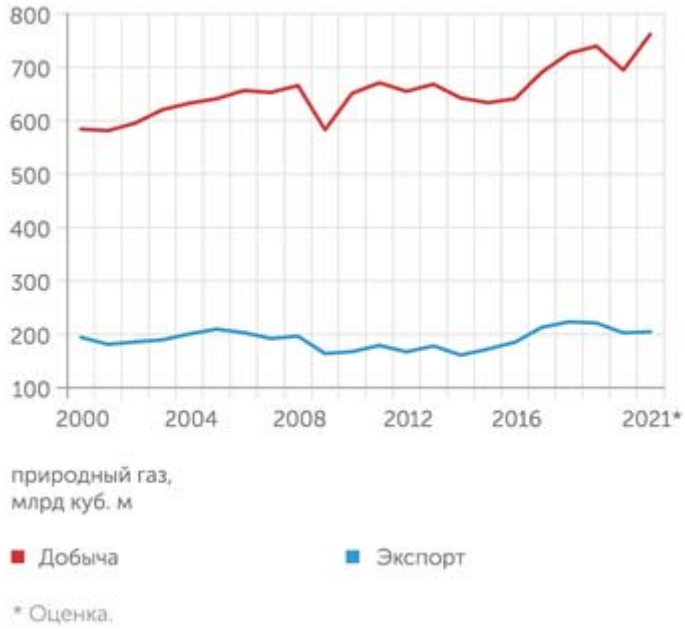


Росстат, ЦБ РФ, BP

График 2 После пятнадцати лет быстрого роста последние 5 лет производство и экспорт нефтепродуктов медленно снижаются

Росстат, ЦБ РФ, BP

График 3 Экспорт трубопроводного газа практически стабилен на фоне плавного роста добычи



Росстат, ЦБ РФ, BP

– Интересные инструменты прохождения конъюнктурной паузы в спросе на нефть без сброса инвестиций в разведку и бурение предлагает экс-министр энергетики Юрий Шафраник. В интервью нашему журналу (номер 22 за этот год) он ратует за строительство ВИНКами хранилищ нефти и создания фонда разбуренных, но незавершенных скважин, которые подлежат быстрой расконсервации после восстановления спроса. Как вы относитесь к таким идеям?

– Общий посыл Шафраника верный: сейчас нет оснований для сворачивания инвестиций в добычной комплекс. Конкретные механизмы можно обсуждать. Считать волшебной палочкой частные хранилища точно не стоит. Их строительство, во-первых, потребует времени и затрат, а во-вторых, позволит однократно, а не ежегодно, «снять с рынка» три, ну максимум пять миллионов тонн нефти. Эти объемы не решают проблемы.

– Как в целом вы оцениваете уровень зависимости нашей нефтяной промышленности от западных технологий, оборудования, материалов?

– Мы умеем добывать нефть. Может быть, не так эффективно, как мировые лидеры, у которых есть опыт разработки сверхсложных проектов, и коэффициент извлечения нефти, КИН, может быть более 40 процентов, но умеем: у нас средний КИН вокруг 30–35 процентов. Процесс импортозамещения в нефтянке активизировался после 2014 года, и за исключением некоторых видов хайэнд-технологий (добыча на шельфе, сложное горизонтальное бурение и ряд других) мы вполне самостоятельны. Грубо говоря, российский нефтесервис один из четырех самостоятельных в мире. Уступает американскому (он же мировой) и норвежскому (во многом в силу специфики их морской добычи), но не уступает китайскому.

Более того, вместе с Казахстаном (15 процентов общемировой добычи) и Китаем (еще плюс пять процентов) мы образуем достаточный рынок для локализации и освоения любых недостающих технологий. В автомобилестроении, скажем, нужного масштаба рынка нет, а в нефтянке есть. Это большая возможность. Например, Норвегия создала сильно локализованный национальный нефтесервис, занимая лишь три–пять процентов в мировой нефтедобыче.

Я бы предложил рассмотреть такой вариант – сильно снизить налоги на так называемые ТРИЗы, трудноизвлекаемые запасы, и организовать процесс передачи таких запасов малым нефтяным компаниям. Мне видится, что до 50 миллионов тонн можно выделить под такую добычу. Для этого необходимо будет развивать технологии, на чем можно вырастить новые компетенции в нефтесервисе. Как конкретно это организовать, могут предложить упомянутый вами Юрий Шафраник, глава Союза нефтегазопромышленников России, и Елена Корзун, руководитель Ассоциации малых и средних нефтегазодобывающих организаций «Ассонефть».

Итак, Россия обладает технико-технологическим потенциалом для ежегодной добычи любого необходимого рынку объема нефти в диапазоне от 400 до 600 миллионов тонн. А вот какой объем внутри этой вилки целесообразно добывать – это уже вопрос экономический, сильно зависящий от внешней и внутренней конъюнктуры, а также от стратегии развития комплекса.

Дешевые нефтепродукты для внутреннего рынка

– Вопрос о добыче непосредственно упирается в нефтепереработку. В каком она состоянии?

– За постсоветский период новых мощностей, за исключением нескольких заводов, не строилось. Но за последние десять лет ВИНКи вложили в модернизацию своих НПЗ порядка 30 миллиардов долларов. При этом особенности экономического регулирования в отрасли таковы, что непосредственной отдачи от этих инвестиций нефтяники не получили. Разве что исчезли дисконты на русский дизель на европейском рынке. Теперь на наших глазах исчезает и сам этот рынок.

Ну и, конечно, российские нефтеперерабатывающие мощности избыточны для текущего объема внутреннего спроса. Внутренний рынок сейчас потребляет 35 миллионов тонн бензина, 35 миллионов тонн дизеля, 10 миллионов тонн мазута, 10–15 миллионов тонн авиакеросина, еще какое-то количество сжиженных углеводородных газов, СУГ. То есть в сумме порядка 100 миллионов тонн по всем продуктам. А мощности – 250–270 миллионов тонн. Так что без экспорта вся эта махина просто не сможет эффективно работать. Наибольший избыток наблюдается по дизтопливу: половина всего произведенного идет на экспорт.

В текущих условиях закрывать заводы нельзя, но нужно дать компаниям инструменты для перестройки номенклатуры выпускаемой продукции, чтобы быстро и гибко подстраиваться под меняющийся внешний спрос.

– Может быть, с учетом такого изобилия первичных энергоресурсов есть смысл снизить внутренние цены на нефтепродукты? Кажется, это более верный инструмент сдерживания инфляции, чем упражнения ЦБ с ключевой ставкой, имеющие к тому же неприятные побочные следствия.

– Я сам выступаю с таким тезисом. Причем с учетом того, что в отрасли с 2019 года действуют регулируемые цены на моторные топлива, поддерживаемые государством в привязке к общему индексу инфляции, такое снижение возможно. Ни Минфин, ни компании не останутся в убытке от такого маневра – изменятся лишь потоки между компаниями и ФНБ. Снижение цен на пять-десять процентов почувствуют на себе все потребители – сократятся издержки на доставку товаров. Расширятся возможности увеличения объемов внутреннего потребления нефтепродуктов. Плюс это благотворно скажется на инфляции, ради чего во многом держится повышенная ключевая ставка.

– Но почему вы предлагаете такой гомеопатический размер снижения цен? В оптовой цене моторного топлива налоги сегодня у нас достигают 60 процентов. Давайте сократим эту долю до 10 процентов, и оптовые цены снизятся вдвое. Вот тогда реальный эффект почувствует вся экономика.

– Экономика – сложная штука со множеством прямых и обратных связей. Мне кажется предпочтительным потенциал сдерживания или снижения цен растянуть на несколько лет. Например, дизельное топливо будет на 20–30 процентов дешевле бензина. Если поставить такую цель, то экономические агенты (и население, и бизнес) смогут осознанно приобретать дизельные автомобили. Это разумно для отрасли и полезно для экономики.

График 4 Львиная доля российских углеводородов до недавнего времени направлялась в Европу

Источник: Росстат, ЦБ РФ, журнал «Морские порты»

Газовый баланс: ставка на СПГ

– Как будет складываться в новых условиях баланс поставок природного газа?

– По газу провал будет серьезнее. По факту пяти месяцев сокращение физических объемов поставок за рубеж «Газпромом», прежде всего вследствие отказа ряда наших европейских покупателей от рублевой схемы расчетов, составило 27,5 процента. Спад добычи газа по итогам 2022 года я предварительно оцениваю в 10 процентов и более. При этом поставки в Европу сократятся на порядка 30-40 процентов от прошлогодних объемов.

Что касается переориентации газового экспорта, мы сегодня поставляем в Европу, с учетом Турции, 155 миллиардов кубометров газа. Мне очевидно, что за ближайшие три–пять лет российский газ с континента будет полностью вытеснен, несмотря на любые коммерческие издержки его замены на ближневосточный и американский СПГ и сопутствующие инфраструктурные расходы.

Вывод на проектную мощность газопровода «Сила Сибири» (она составляет 38 млрд кубометров в год, фактическая прокачка в 2021 году – 10,4 млрд кубометров. – «Эксперт») и реализация еще более масштабного проекта «Сила Сибири – 2» (труба от газовых месторождений Ямала через Монголию в Китай проектной мощностью 50 млрд кубометров в год. – «Эксперт») заместит лишь около половины нынешних экспортных объемов на западном направлении. Еще порядка 20–30 миллиардов кубов ежегодно способна поглотить газификация российских домохозяйств – при активизации соответствующей программы «Газпрома».

Остальные объемы разумно было бы направить на сжижение для расширения экспорта.

– Но мы не владеем технологиями крупнотоннажного сжижения газа и не производим значительной части основного технологического оборудования для таких производств.

– Все крупнотоннажные технологии (единичная мощность одной линии – три–пять миллионов тонн в год) принадлежат недружественным странам. Но у нас есть технологии и освоен выпуск оборудования для малотоннажного сжижения газа (мощность производства до 80 тысяч тонн в год). Идет доводка технологии среднетоннажного сжижения, мощностью один миллион тонн в год (технология «Арктический каскад» реализована «НоваТЭКом» на четвертой очереди завода «Ямал СПГ». – «Эксперт»). Мы вполне можем построить 20–30 установок по сжижению малой и средней мощности на востоке страны. Так как внутренний спрос большой, можно выходить на серийное производство, а через семь–десять лет довести единичную мощность и до трех–пяти миллионов тонн.

Для этого можно привлекать и Китай, который обладает собственной технологией средней мощности. Развивать это направление и строить заводы СПГ на восточном побережье важно и для того, чтобы не быть привязанным к одному крупному потребителю – Китаю. Иначе он может требовать большие скидки относительно рыночных цен.

– «Мы» – это кто в данном случае? Кому вы адресуете этот месседж?

– Я бы считал важным, чтобы правительство в лице Минэнерго рассмотрело всесторонне этот сценарий. Сколько газа естественным образом выйдет из баланса, сколько нужно дополнительно на внутренний спрос (газификация и увеличение потребления в химической промышленности, перевод энергетики в Дальневосточном федеральном округе на газ), сколько можно перенаправить экспорта в другие страны. И сколько нужно денег на каждый вариант. А реализовать могли бы и тот же «НоваТЭК», и «Газпром».

– «НоваТЭК» предпринимает все усилия для реализации, несмотря на санкции, своего проекта «Арктик СПГ – 2».

– Как я понимаю, одну линию должны запустить, так как поставка основного оборудования началась в 2021 г. Что касается поставок для следующих линий, то я не исключал бы возможности более жесткой модерации переговоров с нашими западными «партнерами». У меня родилась хитрая идея: под угрозой немедленного полного закрытия газового вентиля Германии жестко потребовать допоставить оборудование для «Артик СПГ – 2», а также обеспечить новые проекты по сжижению природного газа на западном побережье на 30–50 миллионов тонн. Иначе на несколько лет в Европе и в мире будет дефицит природного газа, так как инвестиционный цикл в индустрии – от пяти лет.

– Можно, наверное, и похулиганить, но лучше доделать собственную технологию сжижения и освоить собственное производство оборудования для него. Мы должны были начать эту работу еще 15 лет назад, когда собирались строить первый СПГ-завод на Сахалине. Теперь мы получили редкий шанс встряхнуться от спячки и импортозаместить этот важнейший сегмент ТЭКа. Каков дедлайн этой задачи, по-вашему?

– Надо ставить задачу строительства новых заводов СПГ общей мощностью не менее 30 миллионов тонн к 2027 году. К этому сроку русский газ будет окончательно выдавлен из Европы. А дополнительные малые и средней мощности заводы СПГ, пусть и менее коммерчески выгодные, позволят обеспечить наш экспортный потенциал и повысить гибкость на случай любых неожиданностей.

Александр Ивантер

19 июня 2022, 13:20

Источник